

Антрацит

Антрацит—город в Луганской области

Маленький осенний город. Мягкий, будто кошки лапа.
Хаты, белые как сахар, приютились вдоль дорог.
Маленький осенний город. Город, где родился папа.
Город ягодный и сдобный! Город—бабушкин пирог.

Город нежный, город колкий: ноют раны на лодыжках—
Травы, что острее бритвы, не скупятся на следы.
Город спелых абрикосов—круглощёкая кубышка!
Здесь чернеющие шахты, здесь вишнёвые сады.

Город содранных коленок, прыгалок, велосипедов.
Город, где ситро в стакане—позолоченный корунд.
Под окном весёлый хор: «Я гулять! Вернусь к обеду!»
Нам с тобой пока неведом... лиха пресловутый фунт.

По углам советской «двушки» расфасованы загадки:
Граммфонные пластинки, бледный фосфорный орёл.
Город этот—отраженье моей вечной лихорадки...
Город, трепетно хрящущий детства хрупкий ореол.

Гумвойска (волонтёрское)

Запах горелых шин. «Слушай, не мельтеши!
Женщину в дальний путь? Братъ опасно!»
Колонна ржавых машин в жаркой степной глуши.
До смерти один аршин, а я с атласной
Лентой! Куда глупей?!.. Крики: «Живей-живей!
В ящиках всё проверь—бинты, лекарства!»
Звоны мёртвых церквей. Дует в лицо суховой.
Отдай матерям сыновей—а я полцарства

Отдам за букет цветов из бабушкиных садов!
Господи! Я-то вернусь... Близка граница!
Но стонет степная Русь, полная новых вдов!
Руки истерты в кровь. Жара—под тридцать.

Скрип тяжёлых сапог. «Возьмите с собой пирог!»
Местные крестят вслед. Грохочет кузов.
Здесь каждый отдаст кусок, затынет на ране платок,
Но слабость стучит в висок—попутным грузом.

Сегодня не взяли в путь. Войны закипает ртуть.
Ленту стащу с волос: пропахла дымом.
Попробуй теперь уснуть, попробуй теперь забудь
Сгоревшую свидину... над чёрным тыном.

Луганщина

*Боково-Платово—село
в Луганской области*

Тихо. Ставнями хата не хлопала.
Как глазурь с куличей—наличники.
Жили хлопцами там—не холопами—
Мои прадеды. Не опричники,
Не рабы, не крестьяне! Лукавые
Кзаки и казачки луганские.
У прабабок глаза тёмно-карие.
Косы чёрные—косы цыганские!
Степи жаркие да колючие
Пролегли между шахт неласково.
Под ногами песок. Да жгучие
Травы сохнут под крышей. Наскоро
Умываюсь водой родниковую.
Звон церковный взлетает и радует!
Выгибается солнце подковою,
Сквозь прозрачное облако падает...
Вместе с белыми абрикосами,
Лепестками, цветками, сливами,
Были босыми и курносыми,
Были грязными, но счастливыми.
Антрацит всё хрустит да крошится.
Терриконы в небо впиваются—
А могилы на кладбище множатся—
От бугра до бугра расползаются.
Старики, как деревья, сторбились.
Белый сахар с хат весь осыпался.
Дети в городе—приспособились.
Кто-то в люди заметные выбился.
Но приводит дорога разбитая
Меня к небу опять через Боково!
Деревенька, мной не забытая,—
Словно царство вишнёвое, Богово!

Руза

Ах, Руза, Руза! Звон на языке!
И хочется зарифмовать с арбузом.
Еловый бор в промокшем сюртуке
Растерян и взъерошен, точно Крузо.
На подоконнике томится пара груш.
Полуденницы в поле варят донник.
И сумерки свой не раскроют сонник,
Пока на небе облачный картуш.
До станции—полжизни наугад.
Чаёвничает за сараем банник.
Нам вечером привидится овсяник,
Ворующий по зёрнам звездопад.
Ах, Руза, Руза! Капает с ресниц
Зарниц роса, пропахшая метлицей.
Гуляет солнце в пыльной колеснице
По трещинам дубовых половиц!

Здесь рукою подать до Бога...

Мои чёрные терриконы
Подпоясаны бузиной.
«Папа, пап! Наверху драконы!
Белохвостые! Надо мной!»
Мама выбьет из кукол крошку,
Мелкий щебень, цветной песок.
Нарушается—понарошку!
Поцелует потом в висок.
По разбитой дороге (к небу)
Деда жёлтые «Жигули»
Мчатся в город—за чёрным хлебом¹.
А я грязная—вся в пыли!
В погребах пауки да банки.
Сладкий холод, запретный мёд.
Это детство ручной огранки:
Кто с Луганщины—всё поймёт.
У забора—седой бессмертник,
Тонет в мареве абрикос.
Помнишь бабу, её передник?
Помнишь тяжесть её волос?
Ну а запах воды в бидоне?
А журчание всех криниц?
Хруст побелки в отцовском доме?
И отсутствие двух границ—
От вокзала и до порога
Мамин лес и отцова степь.
Здесь рукою подать до Бога—
Здесь сплошная стальная крепь.
— Папа, па, ну а что же с хатой?
Вас в живых никого уж нет...
Ах, какой я была богатой
В свои пять с половиной лет!

Офицер

Ты помнишь наши встречи, офицер?
Я красный крест с покорностью казарки
Носила на груди. Чуму и скрип шарманки
Алхимия соединяла в колбе. Во дворце,
На поле брани, через синь люцерн
Чад всюду пробивался. Мой камлот
Не умирят плоть, но впитывает пот,
Что по спине течёт. У городских ворот
Старуха-смерть, вся в оспе и веснушках,
Как мартовская злая потаскушка,
К мужчинам прижималась и платком
Махала вслед. Не лавровым венком,
Гербом фамильным, а гнилой культёй,
Семейным склепом, рисовой кутьёй
Вам обернулся поиск золота и славы.
А время шло и с приткостью менялы
Кидало нас в водоворот пиалы.
И вот алмазом по стеклу «Авроры»
Черчу инициалы, а впотьмах затворы
Щелчком команду к бою подают!
И в тесноте удушливых кают
Мать-революция ласкает байстрюков,
Льёт кислое в стаканы молоко,
А после, с дракой, пьяным матерком,
За шиворот своих—да сапогом...
Могилки разбросав почти валетом,
Из Зимнего нам шлёт свои приветы!
А время в таз стекало по бедру,
Меняло парики и вот, не по нутру,
Валькирией (небезопасно даже).
Мы партизаны—в копоты и саже.
Костров лесных калиновая рябь,
Болот и чащ нехоженная хлябь.
Землянки ледяные и теплушки,
Душистый хлеб, палёный по краям,
Плач матерей, сожжённые избушки...
И снова мы достанемся червям.
И снова три ромашки в кулаке,
Жар поцелуя на моей щеке.
И снова залпы. Двадцать первый век
Плодит бездомных, босяков, калек.
Бог—как струна на замолчавшей цитре.
Мы у подножия седеющих бугров,
Погрязшие в дроблёном антраците,—
Нарыв и гнойник в глотке у врагов.
— Мой офицер, мы вовсе не бессмертны!
Перерождений кончится шаблон.
Пишу тебе на пачке сигаретной
Свой нынешний домашний телефон!

1. Во времена моего детства в этих местах продавался не чёрный хлеб (как в Москве), а «серый». Из другого теста. Для ребёнка это была целая трагедия. Родным

приходилось добывать чёрный хлеб, дабы избежать слёз—периодически для этого приходилось ездить в ближайшие крупные сёла или города.

Вечер в военном госпитале

Стеклянные листья ольхи нефритовой белою крошкой
Облеплены, словно ладонь — тугим эластичным бинтом.
Часовня в ноябрьской тьме, как птица, стучится в окошко —
Влетает, ластится, воркует — и боль превращает в фантом.

Два пропуска сунув в карман (или в пакет к мандаринам),
Ныряем в больничную мглу. Ночь съёжилась у проходной.
Во встречных читаю глаза: «Прошу от души — подари нам,
Мать Божия, выпить, курнуть... жену и дорогу домой!»

Своими ногами бредём? Мы все в должниках у Фортуны!
Здесь эхо протезом стучит — пугает дежурных сестёр.
В палатах плещается свет тяжёлый и рыже-латунный.
Крадётся украдкой курить из «лёгких» один бузотёр.

Нам кажется — груз не тяжёл. В контейнерах каша из риса,
Лекарства, черничный пирог и фрукты на всех — ерунда!
Туннель прогрызает внутри здоровая тучная крыса,
И мчатся по этим туннелям свинцовой тоски поезда.

На могилах друзей не распустится мирт

На могилах друзей не распустится мирт.
Погорельцы спустились с пригорка.
В погребках распивают этиловый спирт —
Это лучше, чем чистая хлорка.

Позывные заменят нам всем имена.
Чья-то жизнь оплывает огарком.
Ночь в Луганске особенно летом темна.
Что на ужин? Труха и заварка!

В буйном Киеве-граде цветёт бузина.
В огородах — полынь и репейник.
Расползается всюду слепая война —
Нацепить бы на псину ошейник!

На Пасхальной неделе светло помирать —
Куличами помянут и квасом.
У соседки снаряд залетел под кровать...
Кто был против — стал пушечным мясом.

На могилах друзей бесполезно кричать —
Здесь земля насыпалась по горсти.
На луганско-донецких дорогах — печать
Непокорной и праведной злости.

Отцовская земля

Отцовская земля — особый полигон,
Военное кострище с гулким эхом.
Здесь каждая семья — живой заслон,
Здесь года три уже как не до смеха.
Взлетает копоть, прилипает пыль
На лодочки девичьих босоножек.
С настойкой виноградной бутылки
Сегодня открываем осторожно.
Мы пьём до дна и бьёмся до конца.
У хаты абрикос нагнулся хмурый —
Он пережил и деда, и отца.
Копаются в траве седые куры.
Здесь мама изнывала от жары,
А я — степная жгучая колючка.
В себя вместила север и бугры
Московская чудная белоручка.

Поблажек от врагов земля не ждёт.
Всё красное (а кажется — тюльпаны!).
И всё ж цветёт! Земля отца — цветёт,
Зализывая по-щенячьи раны.

Больше чем...

Из цикла «Положительный резонанс»

Зима хранит кристаллы разговоров,
Луны облатку, бисер ночника...
В себя приду. Но, видимо, не скоро:
Владеет сердцем твёрдая рука!
Моих чудовищ, нежных и домашних,
С цветочной, лепестковой чешуёй,
Рисую солью, рассадив по башням.
Я вас считаю больше чем семьёй.

Моих чудовищ выдают не вздохи,
Не музыка душевных мандолин...
Мои драконы — страшные пройдохи
По части тайн! Глотаю аспирин,
К себе прижав диванную подушку.
Чудовища девичьих мыслеформ,
Убив во мне кокетку и простушку,
Меняют кварц на родовой фарфор...